

РОМАН ЛЬВОВИЧ:

Культура. 2002. - 7-13 февр. - с. 12

Я знаю, какие песни поют хоббиты!

Не так часто в наших театрах появляются детские спектакли, еще реже – оперы и мюзиклы для детей, чаще всего детишкам приходится смотреть старье, иногда даже от 1937 года. На этом фоне, безусловно, немалым событием стала премьера оперы-мюзикла “Хоббит”, написанная по мотивам знаменитого романа Джона Толкиена, которая прошла в Санкт-Петербургском детском музыкальном театре “Зазеркалье”. Либретто и музыку написал недавний выпускник Московской консерватории, музыкальный руководитель театра “Арлекин”, композитор и аранжировщик Роман ЛЬВОВИЧ (сын известного режиссера, актера, автора всевозможных капутников, исполнителя бардовских песен, экс-ведущего передачи “В гостях с улыбкой” Бориса Львовича).

“Музыка Львовича сверхассоциативна, – говорит художественный руководитель театра “Зазеркалье” Александр Петров. – Хотя никто никогда не видел живого хоббита и не слышал, какие песни могут петь гоблины или тролли, но она как будто бы чутко подслушанная и написанная на несуществующем “эльфийском” языке”.

Музыкантом Роман Львович становится не собиравшись, потому что в детстве терпеть не мог учить музыкальные произведения. В школе получал пятерки исключительно по химии и математике. Карьере ученого помешало... внутренний голос. В тот момент, когда нужно было забрать документы из музыкальной школы, чтобы окончательно перевестись в физико-математическую, Роману вдруг что-то помешало, и он, сам толком не понимая, что делает, срочно достал из ящика парочку своих старых песенок и вальсиков “на три аккорда” и поехал поступать с ними в музыкальное училище на “композиторское” отделение. Так как такового в училище не существовало, поступил на “теорию музыки”. Потом была Московская консерватория (класс профессора Р.Леденева), вступление в Союз композиторов, лауреатство на Всероссийском конкурсе молодых композиторов “Рябиновые грезы-98”, стипендия Венской международной академии и мастер-класс в Райхенау, где он, по заказу посла Австрии в России, написал пьесу для флейты-соло и посвятил ее его дочери. Все это время Роман Львович пытался “симфонизировать” бардовскую песню и салонный романс, выступал в концертах, придумал песню “Удача” для телеигры-лотереи “Русское лото”, сделал оркестровую редакцию модного мюзикла

“Норд-Ост” и написал музыку для телефильма “Школа этуалей” (реж. Валерий Белякович) из цикла “Русский водевиль”.

– Роман, а почему вы в конце концов остановили свой выбор именно на “Хоббите”?

– Это была, наверное, единственная книга (из сказок), которая прошла мимо меня: она показалась мне какой-то мрачной, “темной”, но очень понятной, я ее закрыл, поставил на полку и больше не доставал. И вот в двадцать пять лет я снова услышал внутренний голос – будто явился кто-то свыше и сказал: “Будешь писать оперу по “Хоббиту”. Честно говоря, к этому времени у меня этой книжки и дома-то не было. Пришлось звонить двоюродному брату и просить, чтобы дал почитать. Я очень примерно представлял себе, о чем там идет речь – вроде бы какие-то гномы, тролли, чародеи... В общем – скандинавский эпос, но более. Прочитал – и дальше уже никто остановить меня не мог, я понял, что точно буду писать оперу. Сразу же столкнулся с тем, что мне самому пришлось делать инсценировку, потому что никто не хотел браться за это “авансом”, точнее – без аванса, договора и гарантии постановки. Со стороны это, конечно, выглядело как полная авантюра – абсолютно сумасшедший был проект. Но в то же время в этом сумасшествии было и что-то заманчивое и притягательное: я чувствовал, что не сделать этого теперь уже не смогу. И дальше, в течение всего процесса работы, меня не покидало это мистическое ощущение, что кто-то держит за руку и упорно ведет в определенном направлении, не давая сильно отклоняться. Сейчас, по прошествии времени, я оглядываюсь назад, анали-

зирую... И мне все больше кажется, что все это было не случайно... И слава Богу!

– Вы сказали, что это было второе проявление мистики, значит, в вашей жизни уже было нечто подобное?

– Проявлений было очень много. Первое... Ну, наверное, когда я, победитель физико-математических олимпиад, ненавидящий нудно-муторные занятия музыкой, вдруг взял и вместо физико-математической школы поступил в Казанское музыкальное училище. Это уж точно была мистика, самому бы мне это и в голову не пришло. А еще была потрясающая история на радио “Камертон”. Сажу я в прямом эфире, разговариваю, пою песни, в частности, одну из моих любимых – “24 декабря 1971 года” на стихи Иосифа Бродского. Пою я ее, пою, вдруг на самой высокой ноте у меня перехватывает дыхание, и я чувствую, что дальше петь не могу. Ощущение, честно говоря, ужасное. Возникает минутная пауза, ведущая, пытаюсь исправить положение, что-то спрашиваю, я что-то отвечаю, и передача мы завершаем. Придя после этого домой, узнаю, что в тот день в Америке умер Иосиф Бродский... Это было почти в то же самое время...

– За какой срок вы написали “Хоббита”?

– За четыре года – это почти все время учебы в консерватории. Попутно занимался огромным количеством других дел – учился, деньги зарабатывал, еще много чего...

– Например?

– Ну, например, мы с отцом напи-

сали песню для “Русского лото”.

– Для этого тоже потребовалось “мистическое вдохновение” или для таких песен оно обязательно – есть какой-нибудь другой творческий порыв?

– Обязательно. Чаще здесь происходит нечто прямо противоположное мистике: когда ведущий “Русского лото” Михаил Борисов сказал нам с отцом, что есть идея написать песню для передачи, отец с покойным ныне эстрадным автором-текстовиком Виктором Забелышенским быстренько придумали слова и поставили их передо мной на фортепиано, сами же куда-то уехали – кажется, на рынок. А когда через час они вернулись... Я ее уже написал. Естественно, при инструментровке кое-что подправил, ведь для передачи ее записывали “живые” музыканты из бывшего ансамбля “Мелодия”. А в общем, я писал ее ровно столько времени, сколько она потом звучала в эфире.

– Что, три минуты?!!

– Ну приблизительно.

– Вернемся к “Хоббиту”: где вы взяли исполнителей? Наверное, звезд приглашали?

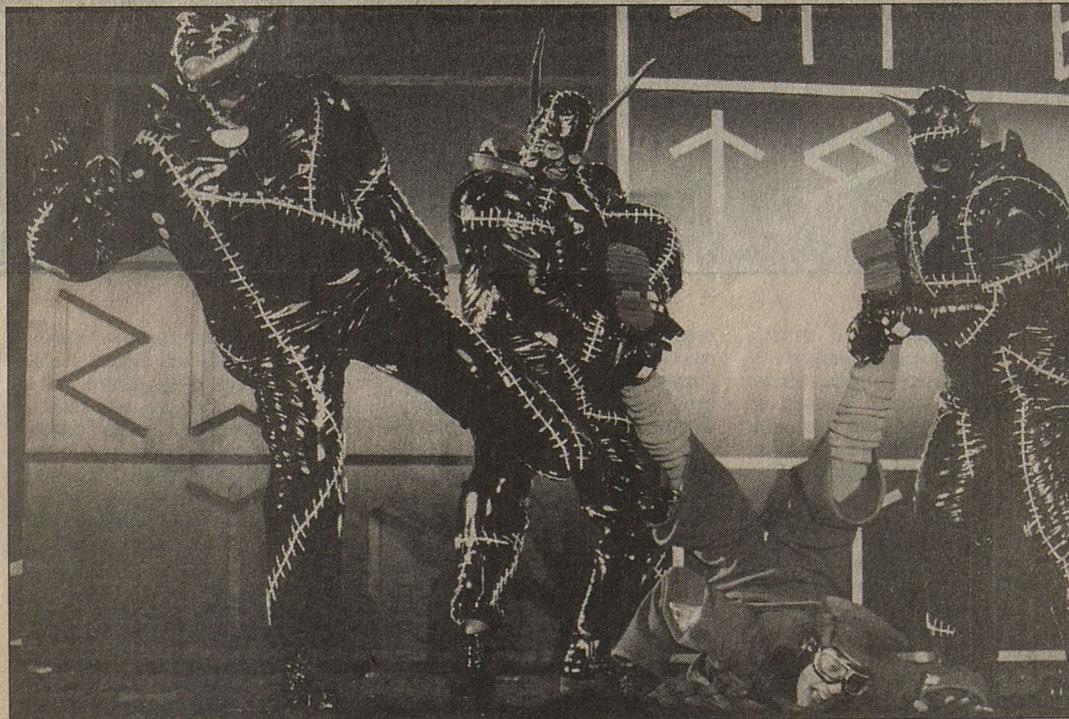
– Вообще никого не приглашал – я предоставил полную свободу действия режиссеру театра “Зазеркалье” Александру Петрову. Актеры в основном оттуда. Коллектив уже много работал с молодыми авторами, имеет полный симфонический оркестр, любит электронные эксперименты. Во время пения они ухитряются исполнять акробатические этюды – представляете, как здорово! Сидят друг у друга на плечах, жонглируют разноцветными шариками, да еще и поют!

– Известно, что “Хоббит” по сей день остается одной из самых популярных книг последних десятилетий, и не только среди детей, но и среди их родителей. Существуют даже специальные “толкиенистские” школы, где учеба детей сопрягается с обычаями его героев, а также масса самых разных тусовок, ночных клубов и даже туристических слетов, посвященных толкованию Толкиена и всевозможному обыгрыванию его сюжетов. Тем не менее в России не было поставлено еще ни одного музыкального спектакля по его произведениям.

– В “Хоббите” я попытался органично соединить черты классической оперы – вокальные речитативы, сквозное развитие действия, большую роль оркестровых контрапунктов – с разговорными элементами и яркостью самостоятельных сольных номеров в манере современного мюзикла. Для любителей эмансипированных диссонансов тоже найдется “глоток свежего воздуха” – влияние Прокофьева, Шостаковича, Бартока и Шнитке мимо не прошло...

– Сильно ли отличается ваш спектакль от книги?

– Отличается. Но так случается всегда: в музыкальном спектакле по сравнению с литературным произведением философское начало немного стирается, а чувственное и эмоциональное, напротив, выявляется особенно сильно. Вспомните “Пиковую даму”. Да и в “Бременских музыкантах” так: сказка братьев Grimm не сравнивается с тем, что сделали Ливанов, Энтин и Гладков. Поэтому и в “Хоббите” все любовные сцены были в принципе плодом моей фантазии. А иначе неинтересно было бы смотреть: когда переводить с языка одного жанра на язык другого, всегда случаются издержки.

Сцена из спектакля

Беседу вела Мария АНИСИМОВА